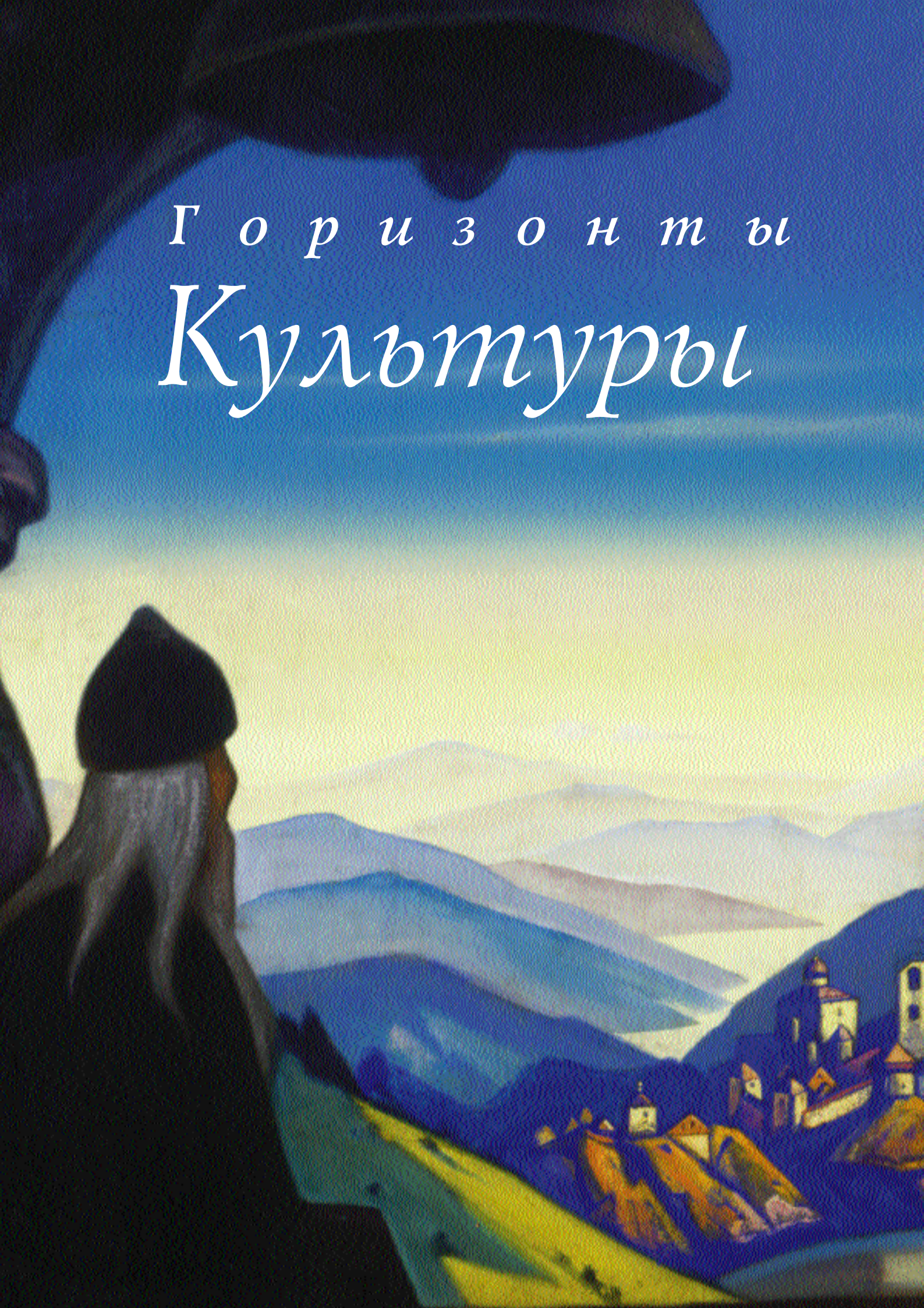

Г о р и з о н т ы
Культуры

Н.К. Рерих

КУЛЬТУРА

Культура — одно, а политика — другое. Говорят, что они сестры, но ведь и сестры не всегда в ладах живут. Да и сестры ли? Носитель культуры подчас ужасается поведению политика, а тот ехидно высмеивает идеализм культурного деятеля. С точки зрения политика, многие действия культуры непозволительны, но труженик культуры не поймет политических перегородок. Он действует прежде всего во имя человечности, а для политика гуманитарные основы закрыты паутиной предрассудков. Да еще каких предрассудков! Под стать средневековым суевериям. Но не подумайте намекнуть политику о его предрассудках. Ощетинится злейший враг.

Политик закован в кандалы всяких партий. Закован и отягощен, хотя и любит потолковать о свободе. Ведь и в темницах, наверное, этот разговор особенно излюблен. Свобода и справедливость! Послушать только, как политики пытаются всячески стеснить свободу культуры. Все-то нельзя, все-то не принято и должно быть осуждено. В осудительстве политики большие мастера. Доводы науки, искусства, воспитания, образования — все будут попраны во имя условных тенет. Не будет принято во внимание, что основы познания вечны, а надстройки временных правительств преходящи. Да не только временны, но стремительно смещаемы условиями жизни.

Вперед устремлена жизнь. Культура и есть жизнь, во всех ее истинных, прекрасных достижениях. Не мертвенное «нельзя», но прекрасное «можно» начертано на вратах культуры. Не влачит культура за собою рабские оковы, но преуспевает в радостных трудах. Труд и трудность не одно ли? Во всяком труде будет трудность, будет преодоление препятствий, будет построение качества.

Не мешайте труженику, не стесняйте создателя. Он для вас строит, и кто-то когда-то возблагодарит его. Кто-то когда-то еще раз ужаснется, если узнает, что добрая стройка была затруднена нелепыми, обветшалыми условностями. Говорят, что Преподобному Сергию медведь помогал в строении. Говорят, что царю Соломону джинны храм строили. Говорят: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло». Пусть ничто не мешает культуре. Шире дорогу знанию. «Невежество — корень всех зол».

30 Сентября 1941 г.

КУЛЬТУРА

И.А. Герасимова

Не так давно Генеральная Ассамблея ООН одобрила предложение Исламской Республики Иран об организации диалога между культурами и цивилизациями. Приглашая к диалогу, президент Исламской Республики Иран аятолла Сейед Мохаммед Хатами в интервью, опубликованном в «Дипкурьере НГ» (15.02.2001 г.), в частности, отметил, что данное предложение вызвало множество вопросов научно-теоретического плана: **«Мы нуждаемся в нравственном воспитании и особом логическом строе мысли»**. В предлагаемой работе автор, обобщая разные культурные традиции и опираясь на свой практический опыт, приглашает читателя подумать вместе о культуре диалога.

Искусство взаимопонимания

Наблюдая времена и царящие нравы, многие мыслители относили *вдохновенную беседу, задушевный разговор* к роскоши. Тем не менее во все времена и при всех обстоятельствах люди стремились к «роскоши общения», понимая, что обновить жизнь, установить справедливость и мир можно лишь сообща, всем миром, как говорили в старину.

Диалог Востока и Запада, диалог культур и даже диалог мировоззрений исподволь — а в наше время все более стремительно — входят в нашу жизнь. Мы привыкаем мыслить в масштабах всей планеты в целом. Экспертный анализ в управлении, междисциплинарный диалог в науке, диалог науки и мировой философии творят историю сегодняшнего дня и будущего. Говоря на разных языках, мы стремимся мыслить в масштабах человеческого знания в целом.

Наблюдая за процессами человеческой и цивилизационной интеграции, приходишь к выводу о становлении новых для человека способностей. Эволюционируя, человек со стадии группового (синкретического) сознания перешел на стадию индивидуального (различающего) сознания. Стремле-

ние одного развитого индивидуума понять другого развитого индивидуума выводит общение на качественно новый уровень, на наших глазах происходит становление *способности всепонимания*.

Я бы сказала, что спираль эволюции сделала виток, подойдя к «групповому сознанию при развитой индивидуальности» («индивидуализированный коллективный разум»). В нашем сложном динамичном времени необходимо не просто уметь мыслить, а еще и уметь мыслить *созвучно с другим сознанием* — без насилия, творчески реализуя потенциал каждой индивидуальности.

Новой эпохе должны соответствовать и новые отношения человека с человеком, человека и природы, человека и Космоса. Отношения, выстраивающиеся на основах сотрудничества, содружества, а тем более братства, предполагают более высокий тип мышления. Думаю, что сегодня назрел вопрос о *специальной образовательной политике развития культуры диалога*. Печально, что общество, стремящееся к демократической жизни, еще не осознало эту необходимость.

ДИАЛОГА

Диалог как предмет исследования

В чем же должно проявляться искусство диалога и как ему научиться? Одних теоретико-научных данных явно недостаточно для серьезного обсуждения этого вопроса. По моему убеждению, целесообразен синтез научных исследований, духовного наследия, культурных традиций, а также разностороннего опыта межличностных, профессиональных, межнациональных, межкультурных форм диалога.

В современном философском видении диалог понимается как «разговор сознаний», или *мысленное* взаимодействие.

Греческая приставка «*δια*» означает «через», «сквозь», «в», а в сложных словах указывает на взаимность действия, соревнование. В последнем случае значение приставки «*δια*» лучше всего передать на русском языке с помощью приставки «пере»: «*διαλογισμοί*» — переговариваться; «*διαλεκτός*» [диалект] — разговор, переговор; говор, речь, наречие. Диалог («*διαλογος*») прямо переводится как речевое взаимодействие. Часто путают приставку «*δια*» с приставкой «*δι*», имеющей значение «дважды»: «*διλογος*» — двоякоязычный, двуязычный; дилемма — необходимость выбора между двумя альтернативами.

Понятие диалога целесообразно рассмотреть с различных точек зрения. В философском видении высших идеалов — истины, добра и красоты — в диалоге как форме общения можно выделить позна-

вательный, нравственный и эстетический аспекты. Диалог как совместный поиск истины — всегда радость для пытливых ученых и философов (не по званиям и этикеткам, а по природе). Диалог как совместное творчество добра и совместное установление красоты человеческих отношений — ведущий принцип общения всех стремящихся к духовному самосовершенствованию¹. Совместное мышление как искусство есть род умения, мастерства, искусности, но не только: поскольку речь идет о высших формах творчества, требуется высокое искусство как устремленность к красоте, к созиданию прекрасного в человеческих отношениях, во вдохновенной игре идей и мыслеобразов. В искусстве мысленного взаимодействия мыслеполюсы организуют внутреннее психофизическое пространство, которое конкретно и объективно.

Живой диалог, беседа — единый нерасчлененный процесс взаимодействия двух сознаний, только теоретически мы выделяем в нем ту или иную сторону. Можно научиться управлять этим процессом, зная и умело соединяя логические, психологические и риторические приемы.

Считается, что ядро логико-интеллектуального аспекта составляет *аргументация* как доказательное рассуждение и обращение с понятиями. Искусство аргументации проявляется в умении мыслить ясно, последовательно; в одних ситуациях — представлять развернутые доказательства, а в других — выражать мысль кратко, но концентрированно; пользоваться

¹ По теории эстетического воспитания можно рекомендовать недавно вышедшие книги доктора философских наук Н.И. Киященко: *Киященко Н.И. Эстетика жизни: Учебное пособие для учащихся лицеев и гимназий в 3 ч. М.: ФОРУМ, ИНФРА-М, 2000 (Серия «Школьный учебник»).*

как точными определениями, так и обобщенными образами.

Эмоционально-психологический аспект связан с культурой *чувствования*. Очень важно научиться распознавать настроения и состояния собеседника и уметь создать комфортные условия беседы. В высшем своем выражении диалог представляет собой общение «от сердца к сердцу». Риторический аспект связан с владением *речевой культурой*. Можно сказать, что логика — это дисциплина мысли, ее форма; психология — энергия мысли, а риторика — энергия мыслеслова.

Многочисленные диалоговые формы различаются в зависимости от *целей* общения. Познавательная беседа (или полемика) направлена на познание и успешна лишь при соблюдении логических норм, ее цель — достижение истины. Любители интеллектуальных бесед, древние греки называли высшее искусство совместного поиска истины *диалектикой*. В современном деловом мире беседа (или переговоры) направлена на достижение социально весомого результата — договора, соглашения, приговора, ее часто сопровождает стремление к взаимной выгоде, ее цель — достичь согласия. Игровая беседа (или спор) в жизни многих народов была издавна одним из любимейших развлечений. Обычно в споре достижение личных результатов считалось главным, отсюда притягательный момент состязательности — непременный спутник интеллектуальных поединков.

Традиции разных народов сохранили свои самобытные черты игровых споров. Афиняне до сих пор, как свидетельствуют очевидцы, находят наслаждение в споре, которым движет чистая любовь к рассуждению. В споре без жара и гнева собеседники любят приятной игрой ума, радуются тонким ощущениям при словесном ударе или ловком отражении. Программа монастырского образования ламаистов предусматривала проведение публичных ученых споров, которые в обязательном порядке сопровождались ритуальными телодвижениями, создающими иллюзию горячей дискуссии. «*Существуют своеобразные способы, задавая вопросы, вращать на руке свои длинные четки, хлопать в ладоши и притопывать ногой... подпрыгивать, задавая вопросы или отвечая оппоненту*»².

В светском обществе России XIX века ценилось искусство поддержания разговора. Возбужденные споры считались дурным тоном. Рекомендовалось избегать специальных научных тем, политических и

религиозных вопросов, а также сплетен; предметом разговора избирать лишь то, что может принести удовлетворение и развлечение — «*новости дня, празднество, новейшие литературные произведения, художественные выставки, пьесы в театре и т.д.*»³. В японском традиционном обществе вообще отрицательно относятся к состязательным спорам. «*Диалог в японском стиле — это в конце концов не что иное, как средство убажания настроения и смягчения атмосферы двух обращенных друг к другу лицом людей*»⁴.

Духовные учителя часто использовали спор, в котором можно разжечь огонь созидательного возмущения, чтобы побудить к размышлению, очистить от предрассудков и расширить сознание. Платоновские диалоги Сократа, суфийские рассказы о Ходже Насреддине — лучшие литературные свидетельства такого рода. В учении Живой Этики есть указание на то, что многие люди имели особое поручение пробуждать сознание посредством спора. «*Вот вы поминали Нараду, названного Спорщиком. Он имел нелегкую задачу вызывать разумное суждение посредством спора, таким образом многие дремавшие сознания пробуждались. Также немало сильных духом принимало задания освободить людей от ветхих пережитков. Можно представить, как тяжка была жизнь таких очистителей! Они выдерживали ярые нападения, и лишь далекое будущее уделяло им справедливую оценку. Но многие такие труженики не оставляли имени; в истории лишь указывалось на некоторое движение, способствовавшее обновлению мышления*»⁵.

Во всех видах духовного учительства собеседование выходит на уровень высокого общения ученика и Учителя, при котором расширяется и возвышается сознание преданного ученика. В отечественной православной традиции святые подвижники благочестия, достигшие в духе единения с Высшими силами, очень часто от подвига «блаженного безмолвия» переходили к подвигу служения миру. В проникновенных беседах святые старцы наставляли духовных чад на боголюбие и добротолубие в соответствии с душевным развитием каждого, одних благословляли на духовные подвиги, а других — на борьбу с собственными страстями и на упражнение в добрых делах. Беседы, назидания, наставления, поучения старцев, наделенных благодатной силой, — опыт общения, вошедший в сокровищницу духовной культуры.

О Всемирном светильнике Святом Преподобном Серафиме Саровском современники рассказывали:

² Давид-Неэль А. Мистики и маги Тибета. М., 1991. С. 73.

³ Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной. С.-Петербург. Издание Германа Гоппе, 1881. Репринтное издание. М., 1991. С. 223.

⁴ Кимура С. «Мэ-но хито» то «Коэ-но хито». Токио, 1974. Цит. по: Чугров С. О традиционализме в японском мышлении // МЭ и МО. № 1. 1999.

⁵ Надземное, 621.

«Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно-христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного понимания, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердца других, разливая в них мир и тишину»⁶.

Почему люди не понимают друг друга?

В последнее время часто приходится слышать сетования, что люди перестали понимать друг друга, хотя и желают этого. Отчужденность и одиночество становятся уделом многих. Если задуматься о причинах непонимания, то положение окажется серьезным: многие из трудностей устранить при нынешнем уровне развития сознания оказывается невозможно.

Кроме прямого нежелания идти на переговоры, злые умыслы сорвать их, имеется множество препятствующих беседе причин, связанных с природой человека. В Агни Йоге очень образно описана болезнь бешеной свободной воли: «Урусвати знает о неких людях, не отличающих блавест от набата. Разве их уши устроены иначе? Нет, они злоупотребляют свободной волей. Они боятся набата и пытаются убедить себя в противоположном, даже вопреки очевидности. Разные люди сходны в таком укрывательстве. Невозможно убедить их, когда они предвзятно решают услышать, что им приятно... Мыслитель указывал, что «люди готовы ответить, даже не выслушав вопроса». Они отвечают по росту собеседника, по его одеянию, наконец, по его почерку»⁷.

Если человек сразу дает оценку, а тем паче выносит приговор, осуждает, вместо того чтобы попытаться понять другого, то это свидетельствует об ущербной узости самосознания. Такой человек пребывает в собственном иллюзорном мире, не вмещает и не различает другие сознания как автономные образования, он распространяет свое «я» на других и на весь свет.

Даже при самых лучших намерениях люди невольно создают непроницаемые панцири непонимания из-за того, что не осознают того факта, что их видение и чувство мира, восприятие ими других людей может предопределяться укоренившимися в их сознании стереотипами, установками, а также

сиюминутными настроениями и даже физиологическими состояниями. Каждый предмет видится, каждая мысль другого воспринимается в соответствии с собственным настроением, а если даже и осознается факт иллюзорного самовнушения, то преодолеть его очень трудно. «Не могут люди усвоить простую истину, что майя зарождается в их сознании, но следует пытаться вырваться из тенет самовнушения... Кто хочет совершенствоваться, тот должен преобрать плотные настроения. Если человек будет помнить об этой задаче, он уже избегнет многих заблуждений. Человек удержится от произнесения неправых суждений и поймет, что внутреннее чувство должно быть справедливым. Не будем думать, что эта задача сверхчеловечна, напротив, она принадлежит обиходу каждого дня, и для сотрудничества с нами нужно учиться смотреть глазами сердца»⁸.

Способность слушать и слышать

Принцип интерактивности в диалоге часто невыполним по, казалось бы, простым причинам. Психологи отмечают, что человеческое общение на три четверти состоит из общения речевого (речь и слушание), — но в условиях письменной цивилизации современные люди разучились слушать! Например, при опросе студентов колледжа выяснилось, что только один из пяти слушал *внимательно*, а среди слушающих *внимательно* только 12 процентов слушали *активно*, то есть «подключали» мышление⁹. Какой же может быть мысленный диалог сознаний, когда люди просто не умеют слушать! Опять-таки приходишь к мысли, что трата времени на обучение только *отвлеченным* знаниям сегодня становится просто преступной.

Как сделать беседу успешной, а наше общение приносящим радость? В психологических и логических теориях коммуникации рекомендуют придерживаться следующих методологических требований.

1) Сама возможность диалога связывается с элементарным наличием *единого языка* обсуждения. Собеседники должны понимать значения употребляемых терминов и понятий — и понимать их одинаково. Поэтому перед началом диалога, дискуссии очень важно «договориться о терминах».

2) Необходимо иметь общий предмет разговора; т.е. требуется соблюдать условие *совместимости* участников по уровню знаний и квалификации. Совместимость означает лишь наличие общего фона знания, но не абсолютного согласия. Разногласие по

⁶ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. С.-Петербург, 1903. С. 468.

⁷ Надземное, 327.

⁸ Надземное, 307.

⁹ *Атватер И.* Неумение слушать // Морозов А.В. Психология влияния (Серия «Хрестоматия по психологии»). СПб., 2000. С. 267.

отдельным вопросам естественно и уместно — если все единодушно во мнении, то и обсуждать нечего.

3) В повседневной жизни нередки случаи формальных «присутствий» и «участий» в профессиональных дискуссиях и беседах. Но разве возможен плодотворный диалог без желания общаться и вместе искать истину?

4) Понимание и соучастие в собеседовании связаны с целым комплексом особых способностей, таких, как умение психологически «настраиваться» на собеседника, находить контакт, устанавливать доверительные отношения, уметь говорить на языке другого, применительно к сознанию слушателя.

5) Понятно, что диалог — это не ожесточенный поединок, а мирное сотрудничество. Сотрудничество как вид совместного мышления предполагает умение слушать и слышать собеседника, встать на противоположную точку зрения, мыслить *альтернативами*, встать «над» собственным мнением. Если непредвзято понаблюдать за нами, то все ли мы и всегда ли умеем это делать?

6) Диалог, особенно в научной практике, требует *критического* мышления — это означает исключение конформизма, просмотр аргументов «за» и «против», пересмотр и отказ от предвзятых мнений и предубеждений.

7) Свобода волеизлияния в дискуссиях обязательна. Но понятие свободы является относительным и обусловленным. Не может быть свободы без ответственности и согласования воли участников дискуссии. Свобода воли предполагает отношение к партнерам как к автономным личностям, исключение насилия.

8) Для творческих дискуссий, где важно активизировать созидательную силу воображения, выдвигается требование избыточности, которое заключается в выдвигании любых, даже парадоксальных гипотез («в порядке бреда»).

Реализовать перечисленные требования не просто, культуре диалога необходимо специально обучать. Что делать, когда оппонент идет на провокации и использует нелояльные приемы? Многочисленные уловки процедурного, логического и психологического характера известны и достаточно подробно описаны в литературе¹⁰. Можно с ними познакомиться и использовать знание этих уловок практически, прямо указывая собеседнику на некорректные приемы. Важнее поразмыслить: а почему мы вместо цивилизованного диалога втягиваемся в бесплодный, непродуктивный спор? Почему раздражение собеседника передается нам и почему безудержная цепная реакция

овладевает нашей волей? Не потому ли, что человек всем своим существом, и умом и чувствами, погружается в обсуждаемое событие? Сам запускает процессы, которые не контролирует? Выход можно найти, если освоить более высокую ступень мышления как интеллектуально-духовного процесса. Можно одновременно *быть в- и над- ситуацией*, когда только часть твоего существа вникает в сиюминутную суть беседы и реагирует на слова собеседника, в то время как подсудно идет решение стратегических задач: сбор наблюдений над собеседником и своими реакциями, анализ возможных последствий и принятие решений.

Подобное расщепление внимания, сознательный контроль над параллельными мыслительными процессами возможны при достижении состояния внутреннего равновесия и устойчивости. Как в ясную погоду очертания прибрежной растительности сливаются со своим отражением в водной глади озера, но уже при легком возмущении воды возникает искажение, точно так же и малейшая волна возмущения вне и внутри нас создает препятствия в мышлении. Состояние внутренней гармонии и непоколебимости в Агни Йоге названо Мощью Спокойствия. Данное состояние можно определить как диалектическое сочетание внутренней неподвижности с внешней подвижностью. *«Часто люди недоумевают: «Какое спокойствие возможно при смятении мира? Но Мы имеем в виду спокойствие сознания, которое если достигнуто, то уже ненарушимо. Человек может возмущаться внешними центрами, он может словесно негодовать, но его сознание остается ясным. Не легко достичь этого состояния, оно не придет от механических приемов. Можно ритмами затушить внешний пламень, но непоколебимость сознания рождается от связи с Высшим»*¹¹.

Конечно, состояние спокойствия сознания дается очень нелегко, и пока оно не достигнуто, можно рекомендовать тактику «отвлечения ума»: одновременно с обменом информацией по существу спора обращать внимание на информационно-психологический фон беседы.

Если стоять на позиции «да — нет», «принимаю — отвергаю», то вряд ли можно прийти к согласию в споре. Если нельзя сразу доказать или опровергнуть, то лучше придерживаться установки «буду иметь в виду», «возможно, в дальнейшем учту». Если даже что-то очень не нравится (а чувства могут быть обманчивы), то лучше все-таки «иметь в виду», хотя и на дальнем расстоянии. Способность иметь в виду многое или удерживать в памяти многое составляет одну из основ способности мыслить альтернативами.

¹⁰ См.: Поварнин С.И. Спор: О теории и практике спора // Вопросы философии, № 8. 1990; Никифоров А.Л. Общедоступная и увлекательная книга по логике, содержащая объемное и систематическое изложение этого предмета профессором философии. М.: Гнозис, 1995.

¹¹ Надземное, 447.

Деревянный наос с изображением Тутанхамона и его жены Анхесенамон. Египет, XIV в. до н.э.

Сцена симпозию. Фрагмент росписи «Гробницы ныряльщика». Около 480 г. до н. э.

Последняя рассматривается как одна из ведущих тенденций современного рационального мышления. Конструировать альтернативы, просматривать взаимосвязи и находить возможности синтеза в условиях совместного интерактивного действия — вряд ли все это возможно, если наше сознание не способно возвыситься над ситуацией. Ощущать состояния и предугадывать движение мыслей собеседника означает вмещать в себя «другие сознания», не отождествляясь с ними. Опять-таки приходится учиться *быть в- и над- событием*.

Умение говорить на языке другого в Живой Этике рассматривается как высшая способность. «Так искусство усвоения языка собеседника относится к большому развитию сознания. Оно усваивается иеродуховением или сознательным уточнением внимания»¹².

В этой связи вспоминаются слова Владимира Соловьева. Рассматривая вопрос о Вавилонском столпотворении, философ видит суть события в потере внутреннего единства, а не во множественности языков самой по себе. «Единство в истинном смысле осуществляется во многом, не упраздняя его, а освобождая его от границ исключительности. Единойзычие по действию Духа Божия есть общение и понятность многих *раздельных, разделяющихся, но не разделяющих языков*»¹³. «Различие языков не мешает единодушию, единомыслию и даже единословию людей; ибо в этом различии не упраздняется, а проявляется *единое внутреннее слово*, несомненно общее всем людям»¹⁴.

Говорить по сознанию каждого, учитывать уровень сознания собеседника — совет умудренных опытом духовных учителей. Суфии указывают на

¹² Мир Огненный. Ч.2, 341.

¹³ Соловьев Вл. С. Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2 томах. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 500.

¹⁴ Там же. С. 502.

изречение Мухаммеда: «*Говори с каждым в соответствии со степенью его понимания*». Ибрахим Кхавас сформулировал эту мысль в таких словах: «*Демонстрируй неизвестное в терминах того, что называется «известным» в данной аудитории*»¹⁵. Преподобный Серафим Саровский в наставлении «О хранении познанных истин» советовал руководствоваться правилом: «*С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных*»¹⁶.

В Агни Йоге есть такие строчки: «*Чтобы говорить по сознанию, нужно прежде всего выслушать собеседника, ощутить его излучения и понять его намерения*»¹⁷. Сосредоточив свое внимание на собеседнике, опытный и проницательный слушатель постарается определить особенности его характера, психического склада, мышления и, главное — определить уровень развития сознания. Показателем уровня сознания, готовности принять новое знание могут служить те вопросы, которые задает собеседник. К сожалению, в школах и высших учебных заведениях в большинстве случаев учат отвечать, но не задавать вопросы. А ведь вопрос может быть и уточняющим, и оспаривающим, и проблемным. Проблемный вопрос — это начало исследования, начало пути поиска истины и добра. Кант считал, что беседа является наиболее эффективным способом обучения, но для обучающей беседы необходимо возвысить сознание ученика до сознания учителя, то есть прежде всего научить задавать вопросы. Вопросание со стороны учителя относится к ненасильственным методам убеждения, когда можно «подсветить» проблемную ситуацию, наметить пути ее решения, повести ученика к различным вариантам и дать возможность ощутить радость самостоятельного творческого поиска и решения.

Распознавание намерений и побуждений собеседника — залог успеха в выборе путей общения с ним. Стоит ли втягивать человека в диспут, когда он заводит разговор лишь для того, чтобы выговориться, «излить душу»? Пожалуй, целесообразнее просто выслушать и успокоить его. Почему человек отвергает то, что ему говорят? Как минимум потому, что это:

- противоречит его внутреннему опыту;
- не согласуется с общепринятым мнением;
- он обнаружил ошибку или не понял сказанного;
- это не соответствует его стилю мышления и языковым привычкам;
- выходит за рамки понятного ему жизненного опыта;
- он привык только самовыражаться;

— его с утра обидели, и сейчас он готов возражать против всего.

Можно найти еще немало психологических причин «невосприимчивости» собеседника, однако существуют и серьезные логические основания. Большинство сообщений закодированы, афористичны. В ситуации открытости текста или речи и, стало быть, *домысливания* возражения принципиальны: один видит предмет разговора в одном аспекте, а другой — в другом. Культура *одномоментного* видения многих аспектов, безусловно, требует развития высших качеств мышления.

Ощущение излучений собеседника доступно для любого душевно развитого человека, который сразу же ощутит тепло или холод, колкость или приятную нежность, жесткость или мягкость, напористость или равнодушие, искренность или лживость. Чувство распознавания излучений является предпосылкой синергии как совместного мышления.

Радость синергии

Под синергией (*συνεργία* — греч.: совместное действие, со-действие, со-участие) будем понимать *совместно совершаемое духовное действие определенной направленности*. Синергийный тип мышления представляет собой высший тип совместного мышления или со-мыслия духовно-развитых существ, в котором энергетический аспект мысли является ведущим. Я рассматриваю синергийный тип мышления как мышление энергетического этапа развития человечества.

Многочисленные виды синергии можно различить по уровням сознаний (высшее — низшее, духовный разум — душевный разум), по соотношению порядков (взаимодействие низшего с высшим, взаимодействие сознаний одного порядка), по степени проявления энергий (сила концентрации, рассеивание энергий), по качеству энергий (возвышенные — низменные), по степени осознанного управления совместными энергиями, по степени согласованности и гармонизации. Имея в виду Целостность земного и надземного, будем говорить о синергии по *духовной вертикали* и о синергии по *земной горизонтали*. Имея в виду иерархичность индивидуального сознания (внешний — внутренний человек), целесообразно особо рассмотреть синергию как соучастие внутренних сил человека по горизонтали и по вертикали.

В истории духовной культуры можно обнаружить немало примеров синергийного мышления¹⁸. Ре-

¹⁵ Идрис Шах. Сказки дервишей. М., 1996. С. 33.

¹⁶ Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 196.

¹⁷ Надземное, 528.

¹⁸ С исследованиями синергии в православной мистике можно ознакомиться в кн.: Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995.

лигиозный опыт запечатлел в памяти народов взлеты синергии. Жития подвижников благочестия изобилуют свидетельствами сослужения святых проповедников и ангелов во время Божественной Литургии. В XIV веке в смутные времена (татары, княжеские междоусобицы, массовые эпидемии и мор) народ стекался в Суздальскую обитель. Людей, как магнитом, притягивал настоятель — Святой Преподобный Евфимий, живое воплощение благочестия. Однажды князю Борису Константиновичу было видение. Среди служителей во время Литургии он усмотрел мужа, который «возбуждал великий страх, так как лицо его сияло несказанным светом и блеск его риз ослеплял зрение». Не хотел преподобный Евфимий ничего объяснять князю, ибо для истинно благочестивого человека проявлять внешние эффекты необычного и тем более говорить о них было недопустимо. Но, повинувшись княжьей воле, пришлось открыть: «Княже, если Господь открыл тебе, могу ли утаить я? Кого ты видел, это — ангел Господень, с которым я, недостойный, служу, по милости Божией, не только сегодня, но и всегда. Но ты никому не рассказывай о видении, пока я жив»¹⁹.

Трудно словами описать величие и торжественность всенародного Единства с Высшими Силами во времена исторической Куликовской битвы. Решается судьба русского народа, его будущее. Святой Преподобный Сергей, Строитель Русской Духовной Культуры и Высочайший из Духовных Вождей, вдохновляет и благословляет князя Дмитрия и воинство русское на победу. 8 сентября 1380 года «Русь вышла снова в степь, меряться со зверем степи. Как все глубоко, напряженно и серьезно! Перед сражением молятся. Читают «ратям» грамоту Преподобного. Над ставкой стяг великокняжеский, с золотым образом Спасителя...

Началась общая битва на громадном по тем временам фронте в десять верст. Сергей правильно сказал: «Многим плетутся венки мученические». Их было слетено немало...

Преподобный же в эти часы находился со всею братией в церкви, тело его было здесь, но духом он был там, где совершалась судьба России. Перед его духовными очами проходили все перипетии боя, он сообщал братии о ходе битвы, от времени до времени называя имена павших воинов, и тут же читал заупокойные молитвы за них. Наконец он возвестил о совершенном поражении врагов и воздал со всею братией благодарение Богу»²⁰. Переживание грозных и величественных событий тех лет в душе русского человека всегда бу-

дет связано с осознанием мощи Единения как единственного пути к Свету и решительному обновлению жизни.

Творчество во многих областях искусства немислимо без синергии. В качестве проявления синергии можно рассматривать импровизацию, и особенно коллективную импровизацию. Со-творцы исполнители без слов понимают друг друга, предугадывают малейшие душевные движения и, создавая реальность красоты, искусно синхронизируют творческие воли в едином ритмопотоке. Вряд ли такое возможно без особого настроя и концентрации, которые в философии Рерихов именуют торжественностью.

В чем суть синергии в общении и как она проявляется в духовной беседе? Синергичное мышление в общении предполагает согласование внутренних состояний индивидуальных сознаний, со-движение совместных энергий, в результате которого достигается гармонизация воли и сознаний собеседников. Синергия в духовной беседе выводит сознание из тины житейской суеты, создает торжественный настрой и устремляет мысль к Красоте Беспредельности. Речь от сердца к сердцу проявляет истинную природу человека и создает ощущение наполненности бытия красотой и высшими смыслами. Синергия в духовной беседе есть со-творчество возвышенных энергий. Воссоединяясь в синергии, ауры собеседников усиливают друг друга, создается особое пространство, наполненное живым звучанием вибраций. Ощущаются не только вибрации звучащей речи, но токи мысленных посылок и малейшие устремления души. Восторг удивления от неожиданного предугадывания мыслей разбрасывает искры радостного смеха.

Синергия — это возможность расширения сознания путем взаимопроникновения сознаний. Каждое сознание уникально в силу неповторимого сочетания черт характера, склонностей и дарований. Состояния повышенной чувствительности в синергичной беседе способны снять непроницаемость другого сознания, преодолеть установки чужого «я». Возникает удивительная возможность увидеть и почувствовать мир в аспекте другого сознания. Только Величайшие Духи способны вместить все доступные человеку вибрации Космоса.

На Земле дарования людей позволяют им настраиваться и отвечать лишь на определенные вибрации. Отсюда одни преуспевают в точных науках, другие — в естественных или гуманитарных, третьи — в бизнесе, а четвертые — в искусстве. Усилен-

¹⁹ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского. Русские святые. Январь — апрель. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1994. С. 485.

²⁰ Преподобный Сергей Радонежский. Очерк Н. Яровской (Е.И. Рерих) // Знамя Преподобного Сергия Радонежского. М.: РИО «Денница», 1991. С. 86.

ное синергией сознание может подойти к ощущению и пониманию мира через сознание другого. Эта возможность ведет к расширению сознания, по крайней мере, по двум путям. С одной стороны, достигается понимание иного душевного мира, вкусов, предпочтений, убеждений, а с другой стороны, происходит обогащение своего опыта иным опытом. Почему другой человек любит именно ту музыку, к которой я равнодушен? Почему мне этот художник симпатичен, а мой друг считает, что он как художник не состоялся? Если не принять, то хотя бы понять другого поможет задушевная беседа.

Синергия составляет существо интеллектуально-духовного диалога. Сегодня можно наблюдать, как идет становление этой новой для людей способности. Необходимость междисциплинарного синтеза заставляет специалистов учиться понимать языки других специалистов. В повседневных речевых ситуациях часто приходится со слуха, «с лета» улавливать смыслы произносимого на незнакомом языке. Само понятие «специалист» наполняется ныне новым содержанием. Специалистом можно считать того, кто профессионально разбирается в своей области и способен понимать других специалистов (и быть понятным для них). Становление способности к всепониманию свидетельствует о новом качестве развития индивидуального сознания: индивидуально-замкнутое уступает место индивидуально-открытому.

В живом общении специалистов уже невозможно не замечать реальные чудеса. Открываем книгу — и сразу попадаем на нужную страницу. Идем в библиотеку — и вдруг «случайно» нам попадается нужная книга. Беседуешь с другом — и вдруг «случайно» он тебе подсказывает ценнейшую мысль, о существовании которой ты раньше догадывался, но которую осознавал лишь смутно. Порой собеседнику легче

уловить и проявить твои собственные движения мысли. В таких условиях целесообразно повысить внимательность к окружающим людям и их словам и научиться осознанно творить «чудеса». Поистине, «*насколько люди могут умножить свои силы, погружаясь в единый поток энергии!*»²¹

Синергия — основа самогармонизации и условие внутреннего диалога. Будущее мне видится под знаком радости открытий внутреннего человека в самом себе. Внутренний диалог можно понимать как со-мысле внутри самой системы, именуемой человеком.

Речь идет об овладении способностями контролировать и синтезировать различные функции и системы собственной психики по горизонтали: интеллектуальную с духовной, низшую эмоциональную с высшей, эмоциональную с интеллектуальной, двигательную с интеллектуальной и т.п. Здесь возможны способы взаимной рефлексии систем, диалоги разных символических систем. Например, интеллектуальная система способна контролировать двигательную, а двигательная — интеллектуальную и эмоциональную. В медитативных видах искусства (искусство потока) подобные рефлексии вполне естественны. Постоянно наблюдая за работой собственного сознания, можно изучить многие «языки» тела и души и стать «полиглотом».

Сделать сердце разумным и разум сердечным — задача синергийного внутреннего мышления. Наступит время, когда человек начнет реально осваивать работу сознания как органа трех миров. Неконтролируемая случайная интуиция заменится сознательным тонким вчувствованием в голос глубинного сознания. Восстановив духовную гармонию в себе, человек преобразуется во вдохновенного музыканта, соучаствующего своим гласом в симфонии Мира¹⁵.

²¹ Надземное, 439.

²² Автор выражает благодарность и глубокую признательность Ирине Ивановне Нейч за вдохновение и помощь при работе над рукописью.

Г.П. Смолицкая

Мост между прошлым и будущим

Может показаться странным, как человек, далекий по своим занятиям от словарного дела, от филологии, смог создать лучший словарь русского языка, которым мы пользуемся уже почти 150 лет, открывая все новые и новые его достоинства. Морской офицер, врач, чиновник особых поручений Владимир Иванович Даль родился 22 ноября 1801 года в Луганске. Отец его, датчанин, врач по профессии, поселился в России при Екатерине II. Интересно, что любовь к языку, к слову была нормой в семье Далея. В доме было много книг, словарей, ребенок с ранних лет научился ими пользоваться. Родители Владимира Ивановича были полиглотами, бабушка переводила на русский язык пьесы иностранных авторов. И нередко здесь всей семьей подбирали нужное слово для бабушкиных переводов.

Теперь можно сказать, что Даль родился с «искрой Божьей» и домашняя атмосфера помогла ему развить обостренное чувство слова. Вот почему в дальнейшем, где бы ни был Даль, чем бы ни занимался, главным для него было СЛОВО. И удивительное дело — несмотря на то, что Владимир Иванович официально почти всю свою жизнь занимался совсем другими делами — лечил людей, воевал, служил в министерстве, — получалось так, что судьба сама помогала ему «собирать слова». Еще мальчиком Даль с интересом прислушивался к речи вчерашних крестьян, работавших на Николаевской судовой верфи, где служил его отец. Подростком, учась в кадетском корпусе, Даль совершает плавание на бриге «Феникс». И представьте, какая удача — на бриге служат 150 матросов из разных губерний России!

Первую запись Даль сделал в 1819 году, когда по окончании Морского корпуса ехал служить на Черноморский флот. У селения Зимогорский Ям ямщик, глядя на небо, которое заволакивалось облаками, сказал: «Замолаживает...» Это было первое слово в картотеке будущего словаря.

По окончании медицинского факультета Дерптского университета в 1829 году Даль едет военным врачом на русско-турецкую войну. Здесь он использует каждую свободную минуту для записи слов. На привалах Даль доставал свою записную книжку, и солдаты, преимущественно из крестьян, собранных со всех концов России, рассказывали ему о своей жизни, о крестьянских праздниках, нравах и обычаях. Особенно интересовали Далея «местные» слова и обороты в их речи. Он вспоминал: «Бывало, на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей: взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений». В Порудоминский приводит пример такого разговора: «Солдат, попавший в лужу ногой, досадует: Чертова лужа! — Калуга! — возражает ему костромич. — Калуга — это рыба, — смеется сибиряк; а вятч говорит свое — *лыва*».

Став чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе, а впоследствии заняв ту же должность в Министерстве

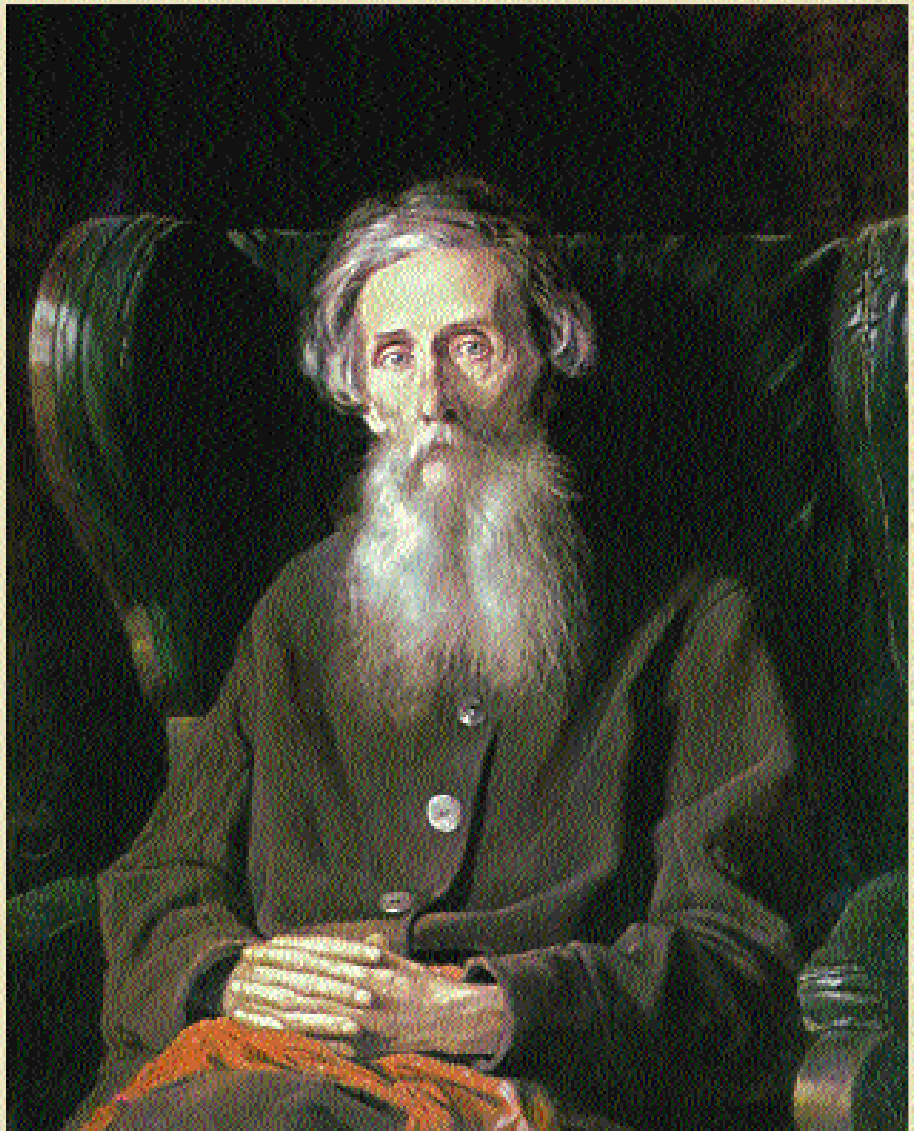
внутренних дел в Петербурге, Даль продолжает сбор словарных материалов. Он заражает этой работой своих подчиненных, они рассылают в разные губернии так называемые циркуляры (вопросники), а полученные ответы помещают в картотеку будущего словаря. Ящики с этой картотекой до сих пор хранятся в Российской государственной библиотеке. К работе по содержанию вопросников Даль привлекает членов Академии наук и Русского географического общества. По совету историка А.Н. Дьяконова в циркуляры включаются вопросы по истории, этнографии, быту населения. Фольклорист и писатель В.М. Лазаревский обрабатывает ответы, подбирает пословицы и поговорки.

В 1849 году Даль, по его словам, вырывается из душного Петербурга на волю, в Нижний Новгород, и в течение десяти лет служит там управляющим удельной конторой. Трудно сыскать более благодатное место для пополнения словарной картотеки — ведь в Нижнем Всероссийская ярмарка! Даль бродит в пестрой, шумной толпе, слушает и записывает — крики зазывал, скоморохов, прибаутки, присказки, песни. Здесь он видит звучащий прообраз своего словаря.

В эти годы Даль начинает задумываться над его структурой. Как, по какому принципу располагать в будущем словаре слова, речения, пословицы? В каком объеме давать этнографический и фольклорный материал? Алфавитный способ подачи слов кажется ему «мертвым». Ведь он разрывает между собой родственные слова и обедняет язык. Даль выбирает корневой способ расположения слов, хотя, не будучи лингвистом, испытывает некоторые трудности и не всегда может правильно определить родственные связи между словами.

Еще одним источником пополнения картотеки были для Даля существующие словари: «Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года», «Опыт областного великорусского словаря», «Опыт терминологического словаря» В. Бурнашева, «Ботанический словарь» Н. Анненкова и некоторые другие. Из этих словарей он включил в свой около 140 тысяч слов (всего в словаре Даля 200 тысяч слов). Конечно, Даль не механически переносил в свой словарь эти материалы. Он обрабатывал их так, чтобы они органически входили в структуру нового словаря, снабжал пометами, примерами.

Не сразу родилось и название словаря. Читающая публика привыкла к словарям академического

Владимир Иванович Даль

типа. Когда началось печатание пробных выпусков, Далю пришлось обратиться к читателям со статьей «Напутное слово...». Словарь назван *толковым*, писал он, потому, что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Термин *живой* указывает на то, что в словарь включены только слова, бытующие в народе, те, которые можно услышать или прочесть. *Великорусский* значит лишь то, что в него не включены слова украинского и белорусского языков, а также церковные слова. Даль не любил иностранных слов, хотя и писал: «Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка». В некоторых случаях он предлагал заменять их исконно русскими. Например, вместо слова *атмосфера* — колоземица, вместо *гимнастика* — ловкосилие... За новые придуманные слова его критиковали. Даль отвечал: «В красной строке или в числе объясняемых слов сочиненных мною нет».

«Толковый словарь живого великорусского языка» был издан в течение четырех лет, с 1863 по 1866 год. Но уже в 1861 году по представлению Русского географического общества Даль был награжден

Константиновской золотой медалью за пробные выпуски словаря. В 1869 году Отделение русского языка и словесности Академии наук присудило ему Ломоносовскую премию, а в 1870 году Дерптский университет — премию Геймбюргера. Двумя годами раньше Даль избирается почетным членом Российской Академии наук.

Главному труду своей жизни Даль посвятил 45 лет. В Москве на склоне дней он часто повторял: «Ах, дожить бы до конца Словаря!» Мечта его осуществилась. Словарь вышел и получил признание при его жизни. «Давно уже в русской литературе не было явления в такой мере достойного общего внимания и признательности, как этот словарь... Это вместе с тем одно из тех произведений, которые своим появлением действуют на ход образованности народной...» — писал академик И.И. Срезневский. И действительно, словарь Даля можно назвать энциклопедией русской народной жизни первой половины XIX века. Он не только дает сведения об истинном богатстве русского языка, но и рассказывает, например, что, когда и где крестьянин сеял, как строил дом, какие сельскохозяйственные и другие орудия употреблял, какую обувь и одежду носили люди, какие у них были праздники, нравы и обычаи... Словарь Даля — это запечатленная в живом языке история души народа, здесь собраны его «добрые и дурные свойства... горе и радость его жизни... болезни и лекарства его быта» (В. Белинский).

Большую ценность для изучения богатства русского языка представляет собой материал, приведенный Далем для иллюстраций фразеологического употребления слова. Например, слово «красный», в значении *красивый, прекрасный, превосходный,*

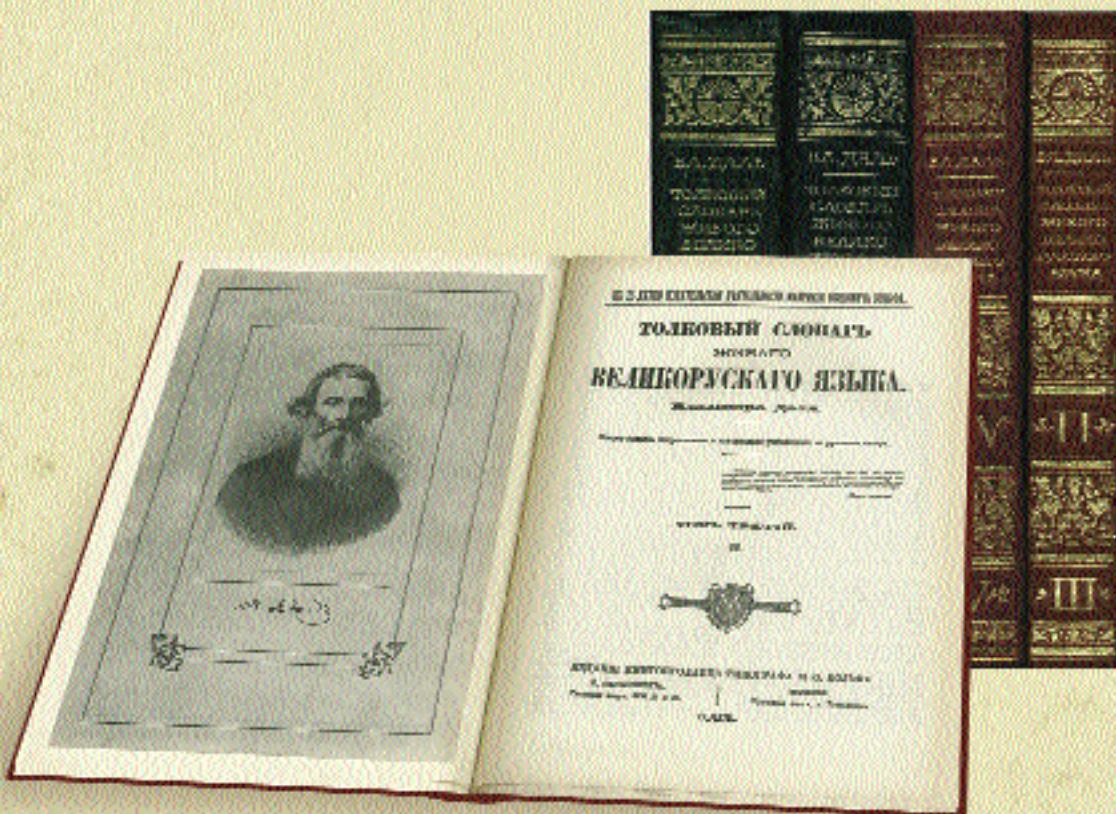
лучший: красный товар; красная изба; красное окно; красная дичь; красная рыба; красный угол; красная лавка; красное крыльцо; красная девица; красное солнышко; красный денек; красная пора; красное словцо и т.д.

Пословицы и поговорки, включенные в словарь, тоже раскрывают жизнь слова в языке: *на людях и смерти красна; сын да дочь — красны детки; дело толком красно; птица крылом сильна — жена мужем красна; не всяк умен, кто в красно наряжен*, и т.д.

«Толковый словарь живого великорусского языка» — это мост, связывающий нас с прошлым, а через нас — прошлое с будущим.

Говоря о разносторонней личности Владимира Ивановича Даля, нельзя не вспомнить, что он был не только лексикографом, фольклористом, этнографом, но и писателем (его писательский псевдоним — Казак Луганский), дружил с Пушкиным и помогал ему собирать в поездках по Оренбургской губернии материалы для «Истории Пугачевского бунта». Там же, в Оренбуржье, Даль собрал уникальную коллекцию минералов, за что был избран членом-корреспондентом Академии наук по естественному отделу.

И все-таки главное дело всей его жизни — Словарь. О величии научного подвига Даля говорит даже тот удивительный факт, что само имя его превратилось в название словаря, и когда у нас возникают трудные вопросы, когда мы сомневаемся в значении того или иного слова или в том, существует ли оно вообще, мы частенько говорим себе: «Загляну-ка я в Даля. Даль знает все». И снова и снова изумляемся и радуемся сокровищам живого русского языка и народной мудрости, которые собрал по крупицам и сохранил для нас Владимир Иванович Даль.

Что происходит с нашим языком?

Последнее десятилетие ушедшего века отмечено разительными переменами в нашей языковой жизни. И одна из них — более свободное обращение со словом. Эта свобода обнаруживается не только в речах митинговых ораторов и политических деятелей (которые давно отучились говорить по бумажке), не только под пером журналиста, но и в повседневной речевой практике обычных носителей русского языка.

Литературная норма стала более терпимой и к просторечному обороту, и к жаргонному слову, и к новым иноязычным заимствованиям. Но эта свобода подчас оборачивается «лингвистической вседозволенностью», когда наперекор устоявшимся канонам в нашу речь вливаются и неправильные ударения, и ошибочные грамматические формы, и многое другое, что искажает язык и к чему нельзя оставаться равнодушным.

В одной из последних своих статей, опубликованной в 1996 году в петербургской газете «Невское время», Лидия Корнеевна Чуковская горестно сокрушалась по поводу порчи и оскудения нашей речи. Она возмущалась тем, на что многие «носители русского языка» просто не обращают внимания, например, неправильным согласованием существительных типа *врач* с определениями и сказуемыми: произнести *Моя врач велела*, считала Лидия Корнеевна, это все равно, что сказать *Моя грач прилетела*... И не только об этом частном явлении говорилось в ее статье. Приводя многочисленные примеры ошибок в ударении (*прИнять, намерЕние*), в склонении (*живу в ОдинцовО — почему не в ОдинцовЕ?*), примеры того, как женщин неоправданно именуют *переводчицами*, а не *переводчицами, корреспондентами*, а не *корреспондентками*, огорчаясь по поводу того, что «интеллигенция лишилась иммунитета» и «не совершает отбора» языковых средств, Л. Чуковская констатирует:

«Случилось несчастье: он [русский язык] оскудевает и мертвеет на наших глазах (и в наших ушах)... Рушится самая основа: отмирают дополнения, не склоняются почему-то названия местностей и имена числительные». И завершает свою статью горьким восклицанием, обращенным к русскому языку: «Остался у меня один вопрос: жив ли ты — живой как жизнь?»

Современным состоянием русской речи, тем, что с нею творится, озабочены многие, в первую очередь писатели, учителя-словесники, имеющие дело

со словом профессионально, а также политики, общественные деятели, ученые, журналисты, врачи... И, конечно же, лингвисты: хотя они призваны непредвзято и всесторонне изучать процессы, которые происходят в языке, им тоже далеко не безразлично все, что угрожает единству и целостности литературного языка, что расшатывает его норму, разрушает культурные традиции.

Что же происходит с нашим языком? Какие приобретения и потери можно в нем наблюдать за последние полтора-два десятилетия?

В короткой статье обо всем не расскажешь. Но все же целесообразно остановиться на том, что наиболее примечательно, что отличает нынешний этап развития нашего языка от предшествующих. Два процесса представляются весьма заметными. О них и пойдет речь дальше.

Иноязычие — мода или необходимость?

Читаю газеты: «Участники *саммита* пришли к консенсусу...», «В *бутиках* — большой выбор одежды *прет-а-порте*...» То и дело мелькают: *имидж* политика, большой *бизнес*, *истеблишмент*, *риэлторы*, *нюсмейкеры*, *брокеры*, *наркокурьеры*...

Слушаю радио:

— Вот что рассказал нашему корреспонденту автор нового *ремейка*; — В США прошли *праймайризы*, показавшие значительный *дисбаланс* в *рейтинге* кандидатов...

В теленовостях сообщают:

— Первые *транши* были переведены в *офшорные зоны*; — *Пресс-секретарь премьер-министра информировал* собравшихся о *перспективах* в *сфере инвестиционной политики* государства; — *Дилеры прогнозируют* дальнейшее падение *котировок* этих *акций*...

Что за напасть? Почему столько иностранных слов почти в каждом предложении, печатном или произнесенном в радио- и телеэфире? Зачем нам *имидж*, если есть *образ*, к чему *саммит*, если можно сказать *встреча в верхах*? Чем модный нынче в кинематографе *ремейк* лучше обычной *переделки*? И разве *консенсус* прочнее *согласия*?

Действительно, во многих из приведенных случаев вполне можно было обойтись средствами родного русского языка. Но все же надо иметь в виду, что

для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естествен и обычен, как естественны и обычны контакты между народами — политические, торговые, культурные. Тем не менее и к самому процессу заимствования, и в особенности к его результатам — иноязычным словам носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других? Разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Нередко иноязычное слово ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в конце 40-х годов во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом»: *грейдер* срочно переименовали в *струг*, *бульдозер* — в *тракторный отвал*, сыр *камамбер* — в сыр *закусочный*...

Но бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать то, в котором мы живем, — рубеж двух столетий, когда в сферах политики, экономики, культуры возникли условия, которые определили predisposedность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но известной главным образом специалистам иноязычной лексики.

Вот некоторые из этих условий: осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки. Все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х — начала 90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, который облегчил активизацию употребления иноязычной лексики.

Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. Верховный совет стал устойчиво — а не только в качестве журналистской перифразы — именоваться *парламентом*, совет министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* (или просто *премьером*), а его заместители — *вице-премьерами*. В городах появились *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *супрефекты*. Советы уступили место *администрациям*. Главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эксклюзивные* интервью своих *шефов*...

Распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизирова-

лись деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных — русско-иностранных — предприятий. Очевидным образом это означало интенсификацию общения носителей русского языка с людьми, которые пользуются другими языками. А это — важное условие не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще — созданным на базе английского языка) терминологическим системам, — например, в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода, журналистика и другие.

Так, в русской речи, сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами, появились термины, относящиеся к компьютерной технике: само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают бреши и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *овертайм*, повторная игра после ничьей — *плей-офф* и даже традиционное *боец* в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютер*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т. п. Многие из них были заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоу-мен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Но почему же так склонны к «иноплеменным» словам журналисты, политики, спортсмены, музыканты, деловые люди (то бишь *бизнесмены*)? И не только они: *баксы*, *киллеры*, *путаны*, еще не один десяток иностранных слов стали (многие — к сожалению) принадлежностью нашей повседневной речи.

Среди причин, которые способствуют столь массовому и относительно легкому проникновению иноязычных неологизмов в язык, определенное место занимают причины социально-психологические.

Многие из нас считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка: презентация выглядит более привлекательно, чем привычное русское представление, эксклюзивный — лучше, чем исключительный, топ-модели — шикарнее, чем лучшие модели... Хотя, надо сказать, здесь намечается некоторое смысловое размежевание «своего» и «чужого» слов: презентация — это торжественное представление фильма, книги и т.п.; эксклюзивным чаще всего бывает интервью, а сказать о ком-нибудь (без намерения пошутить) эксклюзивный тупица или воскликнуть: Какая эксклюзивная говядина! — едва ли можно.

Ощущаемый многими большой социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает явление, которое может быть названо повышением в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным, «рядовой» объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному.

Например, во французском языке слово *boutique* значит «лавочка, небольшой магазин», а будучи заимствовано нашими модельерами и коммерсантами, оно приобретает значение «магазин модной одежды»: Одежда от Юдашкина продается в бутиках Москвы и Петербурга. Примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства: обычный продмаг никто *шопом* не назовет! Английское *hospice* (приют, богадельня) превращается в *хоспис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облегчающего процесс умирания. И даже итальянское *puttana*, оказавшись в русском языке, обозначает не всякую проститутку (как в итальянском), а главным образом валютную.

Как оценивать происходящую сейчас интенсификацию процесса заимствования? Как относиться к тому, что иноязычные слова нередко вытесняют из употребления слова русские, исконные? Может быть, необходимы какие-то запретительные меры, не позволяющие, скажем, журналисту или телеведущему употреблять иноязычное слово, если есть равнозначное русское?

Прежде чем ответить на эти вопросы, посмотрим, какие сферы общения в наибольшей степени подвержены иноязычному влиянию.

Чаще всего новые иноязычные слова можно встретить в прессе и в других средствах массовой информации — например, на телевидении, в передачах, посвященных экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту. В устной публичной речи — например, в радио- и телеинтервью на бытовые темы, в выступлениях на заседаниях парламента — употребление иноязычных слов-неологизмов часто сопровождается оговорками типа: так называемый монетаризм, как теперь принято выра-

жаться, электорат и т. п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает связь с ним более непосредственно и остро, нежели автор газетной или журнальной статьи. Некоторые из заимствований употребляются не только в прямых своих значениях, но и переносно, метафорически: *телевизионный марафон*, *реанимация российской экономики*, *ангажированная пресса*, *политический бомонд*, *рейтинг вранья* и т.п., и это явление также характерно в основном для языка средств массовой информации.

Обиходная речь не испытывает чрезмерного наплыва иноязычных слов. И это понятно: будучи по большей части словами книжными или специальными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи, в текстах научного и технического характера. В обиходной речи, однако, иноязычные слова могут играть роль своеобразных цитат: термин, принадлежащий какой-либо специальной сфере, может цитироваться, сознательно обыгрываться, искажаться, быть поводом для каламбуров и т. п. (достаточно вспомнить то, что происходило в совсем недавнем прошлом со словами *демократ* и *приватизация*: они дали повод к образованию таких «производных», как *дерьмократы*, *домокрады*, *прихватизация*, *прихватизатор* и тому подобное).

Наблюдаются и социальные различия в отношении к иноязычным словам, особенно новым: люди старшего поколения в среднем менее терпимы к «чужой» лексике, чем молодежь; с повышением уровня образования освоение заимствований происходит легче; представители технических профессий меньше останавливают свое внимание на том, какое слово они видят в тексте или слышат — русское или иноязычное, чем представители профессий «гуманитарных».

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов? Прежде всего: не надо паниковать. Нередко говорят и пишут об «иноязычном потоке», заливающим русский язык, о засилье иностранщины, под гнетом которой он гибнет, и такие высказывания рождают чувство безысходности. Но не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. Кто сейчас знает слова *бондировать* (ругать, бранить), *проприетер* (собственник), *индижестия* (несварение желудка), *суспиция* (подозрение) и многие другие, которые употреблялись в русском языке XIX века? Вряд ли издавались указы, предписывавшие изгнать эти слова из русской речи, — они устарели, вытеснились сами собой как нечто ненужное. А с другой стороны, многого ли добились пуристы прошлого, призывая запретить употребление таких слов, как *эгоизм*

(вместо этого предлагалось *ячество*), *цитата* (в качестве синонимических замен употреблялись слова *ссылка, выдержка*), *поза* (взамен изобреталось *телоположение*), *компрометировать* (вместо этого рекомендовали говорить: *выставлять в неблагоприятном виде*)?

Разумеется, неумеренное и неуместное употребление иноязычных слов недопустимо, но неумеренность и неуместность вредны и при использовании любого слова. Конечно, ни ученые-лингвисты, ни журналисты и писатели не должны сидеть сложа руки, бесстрастно наблюдая, как засоряется иноязычием родная речь. Но запретами здесь ничего сделать нельзя. Впрочем, по отношению к тем, кто «по долгу службы» не только обязан говорить правильным, чистым языком, но и быть проводником образцовой русской речи, — например, составителям текстов радио- и теленовостей, сценаристам всевозможных игровых и «разговорных» телевизионных передач, телевизионным ведущим — можно было бы установить некий регламент, обязывающий их подыскивать русское слово там, где оно лучше передает смысл, чем слово иностранное. А.Н. Толстой в свое время заметил, что не надо вместо *лифта* говорить *самоподымальщик*, а вместо *телефона* — *дальнеразговорня*, но там, где можно найти русское слово, надо его находить.

Вообще же вопрос об употреблении иноязычной лексики — часть более общей проблемы, которая формулируется как культура речи и речевого поведения. А речевая культура, само собой разумеется, непосредственно зависит от общей культуры, от чувства «соразмерности и сообразности» (Пушкин), которое диктует человеку в одних условиях общения (скажем, в научной дискуссии) использовать одни слова, в том числе и иностранные, а в других избегать не только «иностранины», но и родную, русскую лексику употреблять внимательно и осторожно (например, в разговорах с детьми). И тут мы переходим к еще одному процессу, характерному для нынешнего этапа развития русского языка. Это — массовое проникновение жаргона в нашу устную и письменную речь.

Жаргонизация литературной речи

Ученые-лингвисты отмечают, что для нашего времени — рубежа двух столетий — характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультур-

ной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. Это ощущают все, не только лингвисты, но и, например, журналисты:

«Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком эзков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отмененными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты» («Известия», 11 ноября 1997 г.).

В последние десятилетия русский литературный язык испытывает сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды, и не последнюю роль в этом влиянии играют миграционные процессы: перемешивание разных слоев населения, отток сельских жителей в города, усложнение социального состава горожан, интенсификация общения между представителями разных (в том числе и по своим языковым навыкам) групп и т. п.

Роль жаргонов как средства общения в прошлом недооценивалась. До сравнительно недавнего времени в отечественной науке о русском языке считалось, что жаргоны не имеют социальной базы для своего существования. У этой точки зрения были некоторые резоны. Так, достаточно хорошо развитое в дореволюционное время нищенское аргю к середине XX века как будто полностью утратило свою социальную базу; аргю беспризорников, впитавшее в себя многие элементы воровского жаргона и бывшее довольно активным в 20-е годы, позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце века оба аргю возрождаются в новом социальном и языковом обличье, поскольку множатся ряды нищих и беспризорников, которые пользуются некоторыми специфическими формами языкового выражения, по большей части отличными от тех, что были в ходу у их предшественников. Эти два аргю составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов и аргю: они существуют наряду с такими языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, наркоманы, фальшивомонетчики, карточные «кидалы» и другие социальные группы, составляющие некоторую часть городского населения современной России.

Эти многочисленные жаргоны и аргю по большей части несамостоятельны, «перетекают» друг в друга: например, в области лексики и фразеологии жаргоны наркоманов, проституток, нищих имеют много общего, у студенческого жаргона обнаруживается общность со сленгом хиппи, «челноки» активно используют в своей речевой деятельности торговое аргю и т. д.

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он формировался в социально пестрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении ряда десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского аргю, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных

средств, но и социальный состав тех, кто им пользуется: с ним были знакомы, его активно употребляли как представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, студенты, рабочие, актеры, поэты, крестьяне, врачи — словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания» (им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики) и модифицируется, пополняясь новообразованиями и изменяя значения традиционно используемых лексических единиц: например, *напарить* (обмануть), *капуста* (деньги, первоначально только о долларах — из-за их зеленого цвета), *поставить на счетчик* — начать ежедневно увеличивать проценты от неуплаченного вовремя долга и др.

Жаргонные слова и обороты далеко не редкость и в литературной речи. Сначала жаргонная лексика просачивалась главным образом в устно-разговорную ее разновидность, затем, ближе к нашим дням, — в язык средств массовой информации, а потом широким потоком хлынула в публицистику, в публичные выступления политиков, депутатов и даже писателей.

Хорошо это или плохо? Несомненно, плохо, если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи исключительно с позиций традиционной нормы, не допуская мысли о неизбежном обнищании и наборе выразительных средств в ходе языкового развития. Как показывает изучение предшествующих этапов развития русского литературного языка, процесс обновления всегда происходил динамично, а порой и очень трудно, в борьбе «архаистов» и «новаторов». Но всегда для этого процесса был характерен тщательный отбор новшеств, «взвешивание» их свойств с точки зрения пригодности для коммуникативных нужд культурного общества. Элементы такого отбора можно наблюдать и сейчас: в потоке жаргонных слов и оборотов взгляд тех, кто наделен языковым чутьем и вкусом, различает некоторые отдельные, особенно емкие, выразительные слова и обороты, которые могут быть употреблены и в литературной речи (разумеется, с определенной стилистической окраской и главным образом в непринужденном общении): например, слова *стукач*, *крутой*, *беспредел*, *тусовка* отмечены в речи образцовых носителей литературного языка.

Многие из жаргонных элементов утрачивают свою социальную прикрепленность, становятся хорошо известными в разных социальных группах носителей русского языка, а некоторые получают развитие в литературном языке: например, фразеологизм *сесть на иглу*, попадая из речи наркоманов на страницы газет, «обрастает» производными: *Область села на дотационную иглу*; *Нельзя все время сидеть на игле инвестиций* и т.п. Глагол опустить, имеющий в тюремно-лагерном жаргоне значение «подвергнуть мужчину сексуальному насилию, тем самым унизив его», в литературной ре-

чи может применяться к другим ситуациям, приобретает переносный смысл: *Думу не распустили, а опустили*.

Культура создается медленно (а разрушается, к сожалению, мгновенно). В том числе и культура владения языком. Она приобретается в процессе, который социальные психологи называют социализацией, то есть в процессе вхождения человека в общество, усвоения им ценностей и норм этого общества. Социализация — процесс длительный: с раннего детства и по существу до старости человек не перестает осваивать систему социальных ролей, неписаных правил повседневного поведения. Если среда, в которой происходит социализация, — семья, группы сверстников, соучеников, сослуживцев и т.п. — нравственно здоровая, если используемые здесь средства языка и навыки речевого общения соответствуют социально одобряемым нормам, то и процесс социализации дает нужный результат: по мере взросления человек осваивает все необходимые и при этом правильные модели поведения, в том числе и поведения речевого. А кроме того, в нем вырабатывается вкус — к хорошим манерам, к образцовому произношению, к точному выбору нужного слова.

Если такой среды нет, то и процесс социализации может пойти вкривь и вкось, в том же, что касается языка, дать совсем не те «всходы», которые культивируются обществом. В такой среде косноязычие, невнимание к собственной речи, безразличие к выбору слов и конструкций, да и мат, или, как теперь его стыдливо называют, ненормативная лексика, воспринимаются как нечто обычное и даже необходимое, ибо «способствуют выразительности» сказанного. Вопрос же о том, какое слово лучше — «свое», русское или иностранное, книжное или жаргонное — вообще непонятен человеку, воспитанному в такой среде. Экая мелочь!

Низкая общая и, как следствие, речевая культура значительных слоев и групп населения России — беда нашего времени. Более того, воинствующее языковое невежество, пренебрежение к «интеллигентским» традициям в использовании слова, сознательное следование моделям поведения, идущим из полууголовной среды, — реальность наших дней.

Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой — воспитание культуры обращения со словом, хорошего языкового вкуса. А хороший вкус — главное условие правильного и уместного использования языковых средств.

И все же: как ответить на вопрос Лидии Корнеевны Чуковской, которым заканчивается ее статья? Жив ли нынче русский язык? Жив, это несомненно, и он по-прежнему, как выражался Гоголь, «живой как жизнь», только формы этой «живости» и жизненности меняются. И это вполне закономерно и естественно: время изменяет все, даже такую консервативную, устойчивую систему, как язык.

Андрей Рублев. Троица

ПРОВОЗВЕСТИЕ

*И Дух и невеста говорят: прииди!
И слышавший да скажет: прииди!
Жаждающий пусть приходит,
И желающий пусть берет воду жизни даром.*
Откр. 22:17

"С тарец Андрей написал множество икон, и все чудотворные. Ясно, что в этих последних словах звучит не обычная религиозная традиция, а особая оценка всего творчества Рублева: из-под его кисти выходили чары национальной религии, его иконы особенно легко переносили в другой мир, облегчали страдания этого»¹, — пишет В.Н. Щепкин. Высшее произведение Рублева «Троица» была написана «в похвалу» Преподобному Сергию по приказанию ученика его Никона Радонежского, у которого художник был в послушании, спустя два десятка лет после кончины Преподобного. Эта икона была помещена в Троицком соборе Лавры по правую сторону от святых врат, неподалеку от гробницы Сергия. Находясь здесь около пятисот лет, потрясая современников икона постепенно скрылась с глаз людских. Сначала потемнела олифа, так что через сто семьдесят лет пришлось подновить живопись и «Троица» была переписана новыми красками. Эта процедура повторялась трижды. Кроме того, образ, по обычаям того времени, был покрыт ри-

зой из золота и серебра, изукрашенной эмалью, жемчугом, драгоценными камнями. Так что к началу XX века легенда, сложившаяся вокруг этого шедевра, жила своей отвлеченной жизнью, не имея подтверждения. «Второе пришествие» «Троицы» случилось в 1918 году, когда темная доска была полностью расчищена.

Все знатоки культуры были поражены этим чудесным явлением. За годы после раскрытия знаменитой иконы она была исследована и описана многими учеными, научная и научно-популярная литература о ней исчисляется десятками наименований. Это самое известное произведение русской кисти, его знают и любят тысячи и тысячи людей. В то же время рождение и второе рождение этого шедевра сопряжены с важнейшими обстоятельствами, которые достаточно не освещены.

«Троица» Рублева — это величайшее произведение искусства, высокое откровение русского духа. Это многозначный символ, прекрасное выражение которого содержит в себе множество смыслов. Как символическое произведение, она допускает разночте-

ния. Эти разночтения есть, и они огромны. Вплоть до того, что среди исследователей нет единого мнения даже в определении представленных на иконе трех Лиц Троицы. Приводятся очень убедительные, глубокие и красивые доводы в пользу того, какой ангел олицетворяет какую Ипостась, одна беда — противоположные доводы не менее глубоки и красивы.

Кажется, что приблизиться к пониманию содержания «Троицы» можно лишь разгадав идею, давшую иконописцу ключ к решению его художественной задачи. Он воплотил эту идею в образе, нам надо от образа вернуться к идее. Поможет нам то, что, как считали Е.Н. Трубецкой и П.А. Флоренский, «Троица» есть «идеальное выражение заветной мысли Сергия». «Умозрением в красках» назвал русскую иконопись XV века Е.Н. Трубецкой. Что из увиденного Сергием в Высших Мирах дано было Рублеву воплотить красками на доске? И что из этого мы, в свою очередь, можем увидеть?

Первое, что очаровывает и восхищает зрителя, — это цвета иконы, «поражающая яркость и

¹ «Троица» Андрея Рублева. М., 1989. С. 61.

свежесть гармонично сочетанных красок, чистых, звонких и сильных, близких к краскам троицесергиевских полевых и луговых цветов в июне»². Конечно, это классическое определение, данное Ю.А. Олсуфьевым, можно в должной мере оценить, зная, что празднование Троицкого дня, установленное Преподобным, как правило, приходится на июнь. П.А. Флоренский пишет: «Почитание же Духа Святого, Надежды Божественной, как духовного начала женственности, сплетается с циклом представлений Софийных и переносится на последующий за Троицею день — День Духа Святого, в каковой, по проникновенной догадке нашего народа, «Земля — имениница», т.е. празднует своего Ангела, свою духовную Сущность — Радость, Красоту, Вечную Женственность»³. Значит, краски для своей «Троицы» Рублев взял из тех, которыми Земля Русская украшается к своим именинам.

Композиционным центром иконы является чаша с таинственным содержимым, вокруг нее группируются три задумчивых ангела. «Самая чаша стоит на трапезе, — пишет Н.А. Голубцов. — Последняя прямоугольной формы и походит больше на жертвенник или престол... Благодаря выпуклому очертанию колен ангелов трапеза кажется имеющей очертания большой чаши»⁴. Внутренние контуры фигур крайних ангелов повторяют чашеобразную форму. Таким образом, мы имеем три чаши, помещенные одна в другую.

Ритм таинственного движения образует композицию «Троицы». Колебания этого ритма, выраженные в линиях рисунка, создают чудо нездешности, потусторонности образа. Круг, спираль, парабола тихо струятся и переливаются, создавая изыскан-

ную иллюзию вечного движения. «Многие линии эпохи Рублева найдены мастерами не у природы, а в сфере идеальных представлений о формах: укажем для примера на изящную серповидность, какой нельзя найти ни в эвклидовой, ни в высшей геометрии. Откуда она родом? Ей так легко выразить небесное и божественное»⁵.

Линии, передающие контуры фигур ангелов, согласованы в движении, говорящем о приня-

тии единого решения, единой воле, едином действии. Что это за решение и что за действие? Об этом можно догадаться из последовательности или порядка обращения взоров ангелов. Два ангела обращены в сторону третьего, движение десниц всех трех сосредоточено вокруг чаши. Эта чаша является центральным объектом, завершающим их движение, объединяющим их мысль. В христианстве (и не в нем одном) чаша выражает идею жертвы, именно эта идея определяет композиционный и смысловой центр иконы. Как видно, на ней увековечен тот момент, когда одно из трех Лиц Божества выражает готовность принести Себя в жертву ради спасения человеческого рода.

Иконы читаются слева направо, как книги, посолонь. Инициатором действия в «Троице» является левый (от зрителя) ангел. Это выра-

жено во всей его фигуре, его инициативу воспринимают два других ангела. Центральный принимает ее наклоном головы, возвращая ее импульс инициатору мощным изгибом правой руки, как бы утверждая, а оборотом своего корпуса к правому ангелу он этот импульс удваивает. Правый ангел «пассивно, женственно», «изящной серповидностью» своей фигуры принимает этот двойной импульс двух обращенных к нему корпусов фигур ле-

² «Троица» Андрея Рублева. М., 1989. С. 54.

³ Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 284.

⁴ «Троица» Андрея Рублева. М., 1989. С. 95.

⁵ Там же. С. 60.

вого и центрального ангелов. Десница левого ангела как бы подталкивает, придвигает чашу к правому ангелу. Чаша этим движением уже сдвинута вправо от центра иконы. Десница центрального ангела благословляет чашу. Десница правого тянется к ней, чтобы принять ее. Основываясь на таком прочтении, некоторые исследователи видят в левом Ангеле Отца, в среднем — Святого Духа, а в правом — Сына, принимающего чашу своего крестного подвига. Но масса признаков и символических деталей указывает на совершенно другой порядок изображенных на иконе Лиц Троицы. Укажем лишь на

весьма удачный прием — посох каждого ангела указывает на его эмблему. Посох левого — на строение, колонны которого складываются в «инициалы» Сына — **И**, посох среднего — на дерево, которое здесь уже не столько дуб Мамврийский, сколько древо жизни, древо вечности, значит, это Отец. Посох правого указывает на подножие горы, вторящей его движению. Гора здесь является символом жертвы, напоминая нам о гореземли Мориа, на которой богопослушный Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака и о горе Голгофа, на которой, согласно христианской догме, Отец

принес в жертву Сына. Еще, как кажется, этот наклон горы отсылает нас к потрясающему образу: «...и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица сидящего на престоле и от гнева Агнца» (Откр. 6:16), то есть этот символ придает иконе характер апокалиптического пророчества.

Живопись «насквозь и повсюду» символична. Между художником и зрителем всегда существует молчаливое соглашение о признании законной определенной меры условности изображения. В рамках этого соглашения художник говорит двумя символическими языками. Во-первых, языком принятого эпохой художественного стиля, во-вторых, языком символов, проходящих сквозь всю историю человечества, символов, составляющих сокровенный язык Божественного Откровения. Круг, треугольник, квадрат, куб входят в этот язык. Круг символизирует всевещающую абсолютную Беспредельность. Многие исследователи находят, что мотив окружности является доминирующим мотивом «Троицы». При этом может удивить отсутствие в этой христианской иконе такого символа, как крест. Но нам это понятно, крест символизирует материальность земного плана, Рублев же в «Троице», по словам Флоренского, «внезапно сдернул перед нами завесу ноуменального мира», изобразил принципиально неизобразимое, недостижимое зрению ни людей, ни Ангелов, ни Богов «неразрывно-неслиянное» единство Трех. То, что, по словам Т. Субба Роу, даже Логос не видит за покровом Мулапракрити⁶. То, что символизирует знак Знамени Мира, взятый Н.К. Рерихом как раз с этой иконы⁷.

На обращенной к нам стороне жертвенника мы видим кубическую выемку. Вот мы и полу-

⁶ Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. Минск, 1993. Т.1. С. 54.

⁷ Рерих Е.И. Письма в Америку. М., 1996. Т.1. С. 358.

чили крест, о котором вспоминали. Куб есть свернутый, потенциальный крест. Развернув Куб, мы получаем Крест, образуемый распространением Духа в Хаотической Материи, что создает для Вселенной возможность проявления. Индусы называют этот акт «Великой Жертвой» Вишвакармана, все-создающего Бога — Творца их Пантеона. Это в символизме Тайной Доктрины, в символизме же древнерусской живописи в виде куба, рифмующегося пространственно и смыслово с изображением жертвенной чаши, мы имеем выемку в жертвеннике. Эта камера ждет, она приготовлена для установки в нее ковчега с чьими-то мощами. С земным прахом Богочеловека, которому надлежит прийти на Землю и принять крест подвига во спасение человеческого рода.

А.А. Вятлев пишет: «Из всех трех Ипостасей Святой Дух имеет наиболее скорбно-задумчивый вид. Фигура его наиболее наклонена над престолом, а голова настолько, что взору его трудно узреть что-либо, кроме чаши с жертвенным Агнцем. Жезл как бы лишился опоры в левой руке и склонился на плечо. Сильно склонилось и правое крыло к крылу Отца, как бы ища опоры и поддержки. Неустойчиво восседает он и на троне, полужанмая его»⁸. Но дело в том, что он не восседает на троне, а встает с него. Наклонившись вперед, встает... Видна уже даже часть сиденья. Изображая Св. Духа встающим, Рублев как бы говорит о Его скором пришествии. Имеет ли такое толкование сюжета иконы каноническое основание? Да, имеет. В четвертом Евангелии Христос, прощаясь с учениками на Тайной Вечери, обещает им: «И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины...» (Ин. 14:16). На иконе изображен

момент исполнения этого обещания: Христос просит Отца, Отец соглашается с Ним, Святой Дух тоже соглашается, Он встает, чтобы принять жертвенную чашу, прийти сюда, к нам, на Землю.

Мы знаем, что Рублев в своем творчестве опирался на авторитет Сергия Радонежского — «тайновидца Святой Троицы». В кругу Преподобного существовал определенный образ мыслей, самобытный стиль богословствования, и понятно, что Рублев являлся одним из выразителей на языке иконописи идеологии, сложившейся в этом кругу. Из известных нам событий, сопровож-

давших жизненный подвиг святого Сергия, может быть, самым потрясающим было посещение святого Богородицей с двумя апостолами. На сегодня известно, что это посещение сопровождалось Провозвестием «прихода времени Ее». Можно себе представить, как это повлияло на Преподобного, каким идеям дало толчок. Можно представить и то, что это Провозвестие Владычицы получило соответствующую интерпретацию в духе времени и православной традиции. Исходя из этого Рублев и вложил в свою великую икону пророческий смысл апокалиптического характера.

⁸ «Троица» Андрея Рублева. М., 1989. С. 127.

Многие подчеркивают мотив женственности ритма «Троицы». Фигура же правого Ангела ни у кого не оставляет сомнения в его женственности. Эта серповидная фигура (луна — символ женского начала), перечеркнутая посохом, образует букву Р: это луна растущая, стремящаяся к полноте выявления, прибывающая к нам сюда.

«Троица» Рублева — это провозвестие наступления эпохи Матери Мира, прихода Св. Духа Утешителя. Не случайно она написана «в похвалу» Преподобному, и не случайно ее «второе пришествие» произошло в 1918 году.

Русские всегда чуяли свою особую связь с Богородицей. Эта связь выражена во всей их культуре, складе характера, типе. Русская Троица имеет женственный характер. Россия — это проявление высокой Женственности. Ее настоящий расцвет, выявление Святой Руси начнется в эпоху Матери Мира.

Эти предчувствия были тем фоном, на котором развивалась русская мысль, проникнутая магнетизмом мессианства. Эти предчувствия были осмыслены и выражены в «софийном» направлении русской философии, у основания которого стоит великая и загадочная фигура Вл. Соловьева. Представители университетской философии указывают на неясность того, что такое, собственно, София. Софией у сторонников «софийного» направления оказывается и Св. Троица, и каждая из ее Ипостасей, и Космос, и Красота его, и человечество, и Богоматерь. В народном почитании Софии тоже нет чина: русская религиозная традиция видит в Софии и аллегория Премудрости, и Духу Мира, и четвертую Ипостась,

и Иисуса Христа, и Церковь, и реальную живую женщину — невесту Агнца. Такая разногласица говорит о том, что представление Вечной Женственности в разных аспектах определяло все направления русской идеи, проникало все системы русской мысли, прорастая в русской душе стихийно, мощно, всеобъемлюще. В своей жизненности не поддаваясь схематизации. Щедро выявляясь в самых неожиданных местах. «Ожидание “Вочеловеченья” мировой души, обретения ею своего личностного центра в рожденной земной женщине звучит у некоторых русских религиозных мыслителей конца XIX — начала XX в. Среди них такой церковный авторитет, как недавно канонизированный святитель Феофан Затворник»⁹.

«Троица» была раскрыта в 1918 году, а 2 июня 1924 года русская женщина Елена Ивановна Рерих пережила Преображение, завершившее испытание чаши Опыта Огненного. Дух ее преисполнился сиянием Матери Мира, Небо спустилось на Землю, Новая Эпоха началась.

Женское Начало Божества имеет во всех сферах проявленного сильные и напряженные Фокусы своей силы. Самым сильным выявлением Матери Мира в пространстве человеческой эволюции ныне является Тара Урусвати, Тара России, Матерь Агни Йоги, которая «оявлена как Матерь Мира для будущей эпохи»¹⁰. Святой Дух Утешитель пришел, и свел Небо на Землю, и дал нам Новое Провозвестие — учение Живой Этики. И мир Его не познал.

Мы стоим у порога Нового Мира коллективно и индивидуально. Дракон, стерегший порог

совокупного человечества, враг человеческого рода, уже повержен и изгнан. Теперь каждого из нас не пускают в открытое будущее индивидуальные драконы порога. Чтобы войти в Новый мир, нужно победить в последней битве своей души, пережить свой внутренний апокалипсис, откровение непримиримой борьбы Света и тьмы, происходящей в душе, в ауре каждого из нас. В этой борьбе мы не одиноки. Если дракона неизжитых энергий самости усиливают все яростные влияния уходящего ветхого мира, то истинному человеку, пребывающему в сердце каждого, помогают все Силы Света. Свет побеждает тьму, будем со Светом!

П.А. Флоренский писал о Преподобном: «Бесчисленны отраженные и тысячекратно преломленные лучи нашего Солнца! Что не озарено его Светом!»¹¹ Закончим его же словами: «Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально-твердое и непоколебимо-верное видение мира. Но чтобы увидеть этот мир, чтобы вобрать в свою душу и в свою кисть это прохладное, живительное веяние духа, нужно было иметь художнику пред собою небесный первообраз, а вокруг себя — земное отображение, — быть в среде духовной, среде умирной. Андрей Рублев питался, как художник, тем, что дано ему было. И потому не преподобный Андрей Рублев, духовный внук преподобного Сергия, а сам родоначальник Земли Русской — Сергей Радонежский должен быть почитаем за истинного творца величайшего из произведений не только русской, но и, конечно, всемирной кисти»¹².

⁹ Наука и Религия, №3, 1989. С. 62.

¹⁰ Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М., 1996. С. 109, (7). Т. 3. С. 411.

¹¹ Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 286.

¹² Там же. С. 283.

